

К ВЫСОТАМ ТРАГЕДИИ

У нас
на
гастролях

● На снимке: А. Голобородько — царь Федор Иоаннович.

Фото Н. Аловерт

ОН НЕ ИГРАЕТ чувство — действует на сцене, не изображает страсть — она рождается из сокровенных недр сценического темперамента. Сначала мы догадываемся о ней лишь по отдельным мелькающим искрам. Потом словно вспыхивает и уже не исчезает маленький язычок пламени. Он разгорается и охватывает постепенно всю сцену. И вот уже горит огонь трагедии.

Она имеет разную окраску. Это и мрачные отблески откровенной уголовщины Ричарда III в одноименной хронике Шекспира, и духовное свечение личности Федора в пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», и написанная строгим языком документальной драмы судьба театрального художника Леше Богачева в спектакле «Они были актерами». Эти очень разные роли в спектаклях Крымского государственного русского драматического театра имени М. Горького (к ним можно еще добавить и роль геолога Игоря в пьесе Р. Ибрагимбекова «Своей дорогой») созданы одним актером — заслуженным артистом УССР А. Голобородько.

В труппе Крымского театра, имеющей немало по-настоящему одаренных актеров, он выделяется особым масштабом дарования. В его взгляде так живо и так переменчиво отражается жизнь души! Эти глаза светлеют голубишной нестеровского инока. В них — прозрачных и светлых — постепенно густеет темный след страданий царя Федора. Они наливаются бешенством и мраком изоощренного коварства в «Ричарде III» с той же загадочностью, с какой бесплотные, беспомощно вывернутые наружу кисти рук Федора становятся безжалостным рычагом смерти в Ричарде — то безжизненно повисают, подкарауливая очередную жертву, то впадают в глотки своих врагов. Голос его — голос трагического актера, глубокий и мелодичный, — может скрежетать, как ржавое железо, и выводить чистейшую мелодию.

Не мастерство перевоплощения из одной роли в другую удивляет нас, но диапазон, размах этого перевоплощения — сегодня Ричард III, завтра — Федор Иоаннович! Поражают сила постижения разной природы трагического, нечеловеческого напряжения жизни героев, богатство художественной палитры, демонстрируемые артистом в этом сложнейшем репертуаре.

Однако сценический герой А. Голобородько живет крайним напряжением всех духовных и физических сил не только в репертуаре высокой классики. Актер стягивает внимание зрительного зала на своем персонаже, действуя и в иных сценических условиях — будь то эпоха Великой Отечественной или сегодняшней день нашей жизни. Не последнюю роль здесь играет его сценическое обаяние. И человеческое — тоже! Особенно в его художнике Леше Богачеве.

Быть может, самое удивительное в нем — как этот мягкий, застенчивый человек, несколько иронично настроенный к самому себе, нечаянно, исподволь обна-

руживает недюжинность характера. Какую решимость и твердость проявляет он, возглавляя подпольную организацию в условиях фашистской оккупации. Он остается при этом сугубо штатским по своей сути человеком. Слово подтверждает, что эта волевая хватка не является чем-то врожденным. Нет, он рожден художником, а не солдатом, тем более руководителем подполья. Но ведь нельзя смириться с фашизмом, надо что-то делать...

Так рядом с живым — из плоти и крови — человеком, через него открываются нам еще и собственные размышления актера о природе будничного героизма и мужества, которые проявляли люди в пору вражеского нашествия.

За действиями и поступками персонажа Голобородько стремится разглядеть его жизненную позицию, в отдельном человеке — явление, слой предстает, философия жизни. Так возникает не только цельный, законченный характер, но и непривычный масштаб героя, крупность и значительность художественного исследования.

Создавая на сцене героев трагедии и трагических героев, артист не возводит их на котурны. Масштабность возникает из глубины, протяженности, внезапности его оценок. И трудно сказать, где проявляется это рельефнее — когда он говорит, когда слушает партнера или что-то обдумывает.

В эпизоде с актрисой Кравец (спектакль «Они были актерами»), изливающей боль души (ее мужа расстреляли фашисты), Богачев — Голобородько слушает ее, опустив голову и лишь слегка касаясь ее руками, как бы успокаивая. Он не произносит ни слова, только слушает, только мучительно впитывает в себя эту боль. Столкнулся взглядом с ней. На какое-то мгновение застыл, а потом, словно не в силах выдержать ее горе, ее муку, неловко отворачивает голову. В этот миг утрата Кравец становится его личной болью. Так через один безмолвный штрих в текучей и психологически насыщенной паузе героя открывается безмерность трагедии.

Можно лишь пожалеть о том, что иногда актер словно не доверяет себе и гонит сцену в убыстренном, захлебывающемся темпе. Мне кажется, философское содержание некоторых сцен спектакля «Царь Федор Иоаннович» приносится в жертву чисто внешнему динамизму.

А. Голобородько — актер современный. За его сценическими созданиями всегда присутствует интересная человеческая личность, обладающая своим взглядом на мир, на человека, на ту или иную проблему. У него свой способ художественного выражения. Ум и чувство взаимно питают друг друга, рождая в итоге очень теплое, человеческое, осердеченное искусство. Его самоотдача на сцене покоряет. Его трудное восхождение к высотам трагедии вызывает признательность и благодарность.

Э. ЯСНЕЦ

Е-4 ОКТ 1974

С М Е Н А
г. Ленинград